

А.Л. Кубасов

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРЕМ И ЛАГЕРЕЙ ГПУ
(1922–1923 гг.)

Статья посвящена местам содержания заключенных, подведомственным Государственному политическому управлению, после окончания Гражданской войны в России. На основе архивных материалов восстановлены ранее не известные страницы из истории Северных концентрационных лагерей, использовавшихся для изоляции политических заключенных.

Ключевые слова: советские спецслужбы, концентрационные лагеря, политические заключенные.

В 1922–1923 гг. после перехода от политики военного коммунизма к нэпу одной из тенденций изменения криминогенной обстановки в Советской России стал рост числа правонарушений, совершаемых в крупных городах. В связи с этим в январе 1923 г. Главное управление местами заключения РСФСР представило Коллегии НКВД доклад о сильном переполнении тюрем в Москве. В нем ставился вопрос об открытии новых мест содержания подследственных и заключенных для размещения в них от 2 до 3 тыс. человек.

На основании доклада был подготовлен проект постановления Коллегии НКВД. Документ напрямую затрагивал интересы Главного политического управления – правопреемника Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Предлагалось передать Главному управлению местами заключения Бутырскую тюрьму, находившуюся в распоряжении ГПУ. Обосновывалось это тем, что согласно пункту «б» статьи 1 «Временного положения о Главном управлении местами заключения РСФСР» именно на него возлагалось руководство всеми тюрьмами и лагерями

принудительных работ. И делался вывод: у ГПУ нет достаточных оснований и потребности иметь в Москве собственную крупную тюрьму. Приводился и такой довод: в здании ГПУ на Лубянке имеется внутренняя тюрьма, куда могут помещаться арестованные в порядке дознания и предварительного следствия¹.

Руководство ГПУ категорически не согласилось с выводами и предложениями проекта. В отзыве на него, срочно подготовленном по поручению заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта начальником юридического отдела В.Д. Фельдманом, указывалось, что проект совершенно неприемлем.

Для обоснования своей точки зрения ГПУ выдвинуло несколько аргументов. Первый: кроме внутренней тюрьмы на Лубянке и Бутырской тюрьмы ведомство не имеет в Москве других мест, где можно содержать арестованных. Второй: во внутренней тюрьме на Лубянке, рассчитанной на 150–200 человек, содержатся осужденные правые эсеры и подсудимые по делам об особо важных государственных преступлениях, поэтому размещение в ней других категорий арестованных приведет к перегрузке тюрьмы и «погубит большую часть оперативной работы ГПУ»². Третий: Бутырская тюрьма управляется непосредственно ГПУ, в ней действуют особые инструкции, определяющие порядок содержания арестованных под стражей, администрация состоит из кадровых чекистов, которые привлекались к ответственности за совершившиеся ими нарушения во внесудебном порядке (например, приговор к расстрелу условно за передачу писем заключенным). Четвертый: в 1922 г. в тюрьме был произведен ремонт по специальному плану в интересах оперативной работы. Пятый: из всех мест заключения Москвы только Бутырская тюрьма принимает лиц, арестованных ГПУ, без предоставления копии постановления о предъявлении им обвинения. Шестой: передача Бутырской тюрьмы в ведение Главного управления местами заключения не разрешит кризис с тюремными помещениями, а только облегчит его на 1–2 месяца.

Исходя из этого, было предложено Бутырскую тюрьму оставить в ведении ГПУ. Срочно определить на территории России 5–6 пунктов, которые можно использовать как места заключения, и направлять туда из Москвы всех осужденных на один год и больше. «Разгрузить» места заключения в Москве и рационально распорядиться ими: «Чисто уголовный элемент (воры, громилы и т. д.) могут быть высланы в лагеря ГПУ Архангельской губ., то есть произойдет разгрузка. За этот счет освободившиеся места заключения распределить и перегруппировать, тем более что в Москве есть возможность ликвидируемые лагеря принудработ (Ивановский, Андроньевский и др.) обратить в тюрьмы для краткосрочных до 1 г.»³.

Вести представителя ГПУ в руководство Главного управления местами заключения для согласования вопросов содержания под стражей. Наконец, тюрьмами и лагерями управлять по инструкциям, согласованным с ГПУ, а их администрацию проверить и профильтровать.

Одним из результатов обсуждения этой острой проблемы стало более активное использование для содержания заключенных лагерей принудительных работ, расположенных на Севере России.

В отчете за апрель 1922 г., направленном в ГПУ начальником управления Северных лагерей принудительных работ, сообщалось, что в них содержится 1 088 заключенных. В том числе в пересыльном распределительном пункте – 776, в Холмогорском лагере – 189, в Пертоминском лагере – 123. Из них были осуждены за контрреволюционные преступления – 464 (42,6%), спекуляцию и саботаж – 10 (0,9%), преступления по должности – 63 (5,79%), уголовные преступления – 480 (44,1%), преступления против личности – 14 (1,28%), дезертирство и побеги – 21 (1,93%), бандитизм – 32 (2,94%). Среди них было офицеров и военных чинов белой армии – 142 (13,05%), осужденных членов РКП(б) – 81 (7,4%), членов «противосоветских» партий – 28 (2,57%), из них анархистов – 19 (1,74%), эсеров – 9 (0,82%)⁴.

В Архангельске заключенные трудились в порту, на складах, на сплаве и погрузке дров. В Пертоминском лагере занимались ловом рыбы, плели сети. В Холмогорском лагере работали в мастерских: корзиночной, колесной, кожевенной. Готовился пуск алебастро-гипсового завода.

В докладе подчеркивалось, что для обеспечения производств рабочей силой необходимо увеличить число направляемых в лагерь осужденных.

Охранял Северные лагеря 19-й батальон войск ГПУ⁵.

Условия содержания политических заключенных описаны в рапорте, представленном 1 февраля 1923 г. заместителю начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Г.Г. Ягоде начальником управления Северных лагерей Студиловым. Докладывая о ситуации в Пертоминском лагере, где были сосредоточены члены «противосоветских» партий, он сообщал: «Для политзаключенных в данное время выделен отдельный корпус, общей вместительностью до 200 чел. Им отведено для 50 чел. вполне достаточное количество камер. В каждой есть ламповый свет, устроены топчаны, всегда нормальная температура воздуха, устроена отдельная кухня, имеется библиотека, ничего от них не отобрано, предоставляются прогулки во дворе, обнесенном забором, по 5–7 час. в сутки, продовольствие выдается по выработанной норме Центра, разрешается

через коменданта приобретать за наличный расчет продукты в городе. Еще не было случая отказа их родственникам в свидании, медицинская помощь есть, камеры не запираются, так что имеется полное общение между всеми политзаключенными. Корреспонденция (письма), как входящая, так и исходящая, после предварительного просмотра губотделом ГПУ, передается. Считаю недочетом, что не выписываются газеты»⁶.

В рапорте говорилось о проявлении политзаключенными недовольства своим положением: «В данное время происходят скандалы, без предъявления каких бы то ни было требований в сторону улучшения или смягчения их быта, просто не хотят быть в Пертоминском, условия которого лишают их возможности установить связь с Архангельском, а также и дальше»⁷.

По мнению Студилова, скандалы политзаключенных не имели под собой какой-либо почвы: «Эти условия, считаю, что уж слишком мягкие в некоторых частях, как-то: открытие днем и ночью камер, а также продолжительные прогулки и т. д. В этой части, считаю, не вредным будет ограничить и вообще ввести надлежащий режим, отвечающий нашей карательной политике»⁸.

21 марта 1923 г. заместитель начальника Архангельского губернского отдела ГПУ Масленников и заместитель начальника управления Северных лагерей Ногтев информировали секретный отдел ГПУ: «В Пертомлагере 11 анархистов голодают с 15-го, эсеры и меньшевики к голодовке относятся отрицательно, ведут себя спокойно. В бараке находятся общим. Анархисты отделиться отказались»⁹.

Между тем в 1922–1923 гг. в русских эмигрантских изданиях стали появляться сообщения о ситуации в лагерях, образованных советскими властями в Архангельской губернии. В опубликованном в 1922 г. в Берлине центральным бюро партии эсеров сборнике «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» говорилось, что с мая по ноябрь 1921 г. через расположенный в бывшем женском монастыре Холмогорский концентрационный лагерь прошло 3 000 заключенных. Из них в результате голода, недоедания и болезней, прежде всего дизентерии и тифа, умерло 442 человека¹⁰. В вышедшей в 1923 г. книге С.П. Мельгунова «Красный террор в России» говорилось о Пертоминском концентрационном лагере, куда с конца 1922 г. свозились большие партии заключенных из Москвы и других городов России. Условия жизни в нем рисовались в самых мрачных красках: «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи»¹¹.

К 1923 г. большевистскому руководству стало ясно, что ставка на скорую победу мировой революции провалилась и необходимо налаживать отношения с европейскими странами, в которых большим влиянием пользуются социалистические партии. А публикации о концентрационных лагерях подрывали образ Советской России как первого рабоче-крестьянского государства. Поэтому было принято решение сосредоточить высланных на Север заключенных в более отдаленном месте – в лагере на Соловецких островах.

4 сентября 1923 г. в докладе, направленном Г.Г. Ягоде заместителем начальника спецотдела ГПУ А. Гусевым, сообщалось, что в конце июля концентрационные лагеря из Пертоминска и Холмогор переведены на Соловецкие острова. В качестве места для размещения осужденных за контрреволюционные преступления и политических заключенных этот район был выбран не случайно: на протяжении значительной части года, особенно в зимний период, он был практически полностью оторван от внешнего мира. Любая попытка бегства из лагеря грозила большими опасностями.

К началу осени на Соловках содержалось 3 000 заключенных, из них уголовных – 2 550, политических (эсеров, меньшевиков, анархистов) – 250 человек, бывших сотрудников ВЧК и ГПУ – 200. Политические проживали в Савватиевском скиту и на о. Большая Муксалма изолированно от других заключенных. По утверждению начальника управления Северных лагерей Ногтева, на данные которого ссылался Гусев, помещений для политзаключенных было вполне достаточно, у всех имелись отдельные койки, велась установка печей. В Савватиевском скиту для прогулок был отведен участок земли, где были лес и озеро, охранявшийся и окруженный проволочными заграждениями.

А для расселенных в Соловецком кремле уголовных были отведены камеры в корпусах крепости. Места там было мало, спали на нарах. 300 человек планировалось расселить в здании Успенского собора по окончании его ремонта.

Порядок содержания заключенных администрация лагеря установила согласно Положению о местах заключения ВЧК от 1919 г.

Политзаключенные получали продовольствие по нормам, установленным отделом снабжения ГПУ. Уголовным часть продуктов, включая крупы, овощи и лук, заменялась картофелем.

Состояние лагеря в санитарном отношении оценивалось как удовлетворительное. Наиболее часто встречались заболевания цингой, причем случаев выявления ее у политзаключенных не было. Больным по предписанию врача выдавались диетические пайки.

Уголовные трудились в мастерских, на сельскохозяйственных фермах, использовались на ремонте зданий и постройке узкоколейной железной дороги. Предполагалось командирование 150 заключенных для работы на станцию Кемь сроком на 3 месяца в виде возмещения Наркомату путей сообщения за предоставленные лагерю рельсы, крестовины, стрелки, два паровоза и 15 вагонов. В докладе утверждалось, что заключенные, находившиеся на работах, получали усиленный паек. Политзаключенные выполняли в лагере только мелкие работы по ремонту помещений.

В соответствии с распоряжением юридического отдела ГПУ от 25 апреля 1923 г. пропуска для свиданий выдавались Архангельским губотделом ГПУ, а в дальнейшем – Кемским пересыльным пунктом, сроком до 5 суток в зависимости от поведения заключенного. Проводить свидания разрешалось только в присутствии помощника коменданта или надзирателя.

Телеграфная связь с лагерем отсутствовала. Принимались меры для ее налаживания. Предполагалось, что в течение зимы письма на острова будет доставлять специальный возчик. Всю информацию о посылках для заключенных Кемский пересыльный пункт должен был сообщать на Соловки. Содержавшиеся в них продукты пускались в расход. После этого соответствующее количество продуктов надлежало выдать заключенному со склада непосредственно по месту отбытия наказания.

Жалобы политзаключенных администрация объясняла желанием вырваться на материк для установления связи со своими единомышленниками.

В докладе выражалась обеспокоенность организацией снабжения Соловецкого лагеря. Продовольственных запасов, имевшихся на складе, должно было хватить лишь на пять-шесть месяцев. Поэтому был поставлен вопрос о том, чтобы половина средств на содержание лагеря выделялась из государственного бюджета¹².

Одной из причин возникших затруднений был отпуск управлением Северных лагерей по распоряжению отдела снабжения ГПУ большого количества продуктов и обмундирования на содержание военной флотилии, а также на обеспечение возглавлявшейся М.С. Кедровым, назначенным уполномоченным Наркомата путей сообщения на Крайнем Севере, экспедиции на Печору, где пленные белые офицеры и ссыльные отбывали принудительные работы на транспорте¹³.

Ознакомившись с докладом, Г.Г. Ягода направил его Ф.Э. Дзержинскому.

Осенью 1923 г. начальник юридического отдела ГПУ В.Д. Фельдман представил в коллегии ГПУ доклад по результатам

обследования Северных лагерей в связи с заявлением политических заключенных об издевательствах и избиениях.

В докладе сообщалось, что в подчинении управления Северных лагерей находились: 1-е отделение, или собственно Соловецкий концентрационный лагерь, размещавшийся в кремле; 2-е отделение, расположенное в Савватиевском скиту; 3-е отделение на Муксалме; Архангельский пересыльный пункт, подлежащий ликвидации; и Кемский пересыльный пункт. Всего в Северных лагерях на момент проверки содержалось 3 049 человек. В том числе: в кремле (уголовных и осужденных за контрреволюционные преступления) – 2 213, Архангельском пересыльном пункте – 457, Кемском пересыльном пункте – 173, Савватиевском скиту (политических) – 153 (5% от общего количества заключенных), на Муксалме (политических) – 53 (1,74%).

В кремле заключенные, помещенные в монашеские кельи, из-за отсутствия коек спали на полу. В Савватиевском скиту и на Муксалме не во всех комнатах имелись печи, отсутствовала вентиляция. Для освещения выдавались керосиновые лампы, которых не хватало. Обмундированием и обувью содержащиеся в лагере не снабжались за исключением пожарных, канцеляристов и тех, кто служил в надзоре и работал в мастерских. Заключенные пользовались правом посещать баню, но при этом мыло им не выдавалось и после бани им приходилось надевать свои грязные лохмотья.

Особенность лагеря состояла в том, что его хозяйственная деятельность не могла быть построена на самообкупаемости. На Соловках имелись портняжная, сапожная, столярная, слесарная и судоремонтная мастерские, кузница, гончарный завод. Заключенные занимались рыбной ловлей, обслуживали скотный двор, конюшни, хлебопекарню, склад, огороды. Но ввиду скудости природных условий и отсутствия каких-либо промышленных производств все работы и промыслы могли быть для лагеря только подспорьем.

Первоначально политические заключенные к каким-либо работам не привлекались: для этих целей использовались осужденные за совершение контрреволюционных и уголовных преступлений. Рабочий день заключенных был ненормированным: они работали от восхода до заката по 10–12–14 часов, практиковались ночные работы.

Полагавшийся заключенным паек был недостаточен. Необходимые в северном климате овощи не выделялись. Хлеб выпекался сырой, с песком. При выдаче продовольствия происходило обвешивание. Уголовные воровали продукты друг у друга. Диетический паек, назначавшийся врачом, урезался администрацией.

Осенью 1923 г. на Соловецких островах полностью отсутствовал запас дров. Количества хранившейся на складе муки, большей частью прогорклой и затхлой, было недостаточно. А потому в докладе делался вывод, что зимой 1923/24 гг. Соловецкий лагерь ожидают голод и холод.

Из Савватиевского и Муксалмского скитов лица, нуждавшиеся в амбулаторном лечении, направлялись в расположенный в кремле лазарет, который был заполнен. При норме в 100 человек в нем находилось 94, в том числе больных цингой – 43, туберкулезом легких – 14. Больных из числа политических привозили в лечебное учреждение и отвозили обратно по ночам. При поступлении и выписке их обыскивали. Рядом с ними выставлялся конвой. Уголовных помещали в лазарет только в тех случаях, когда они уже не могли держаться на ногах. В силу этого на самом деле заболевших было намного больше. Паек в лазарете выдавался в сухом виде, пациенты вынуждены были сами готовить пищу. Обслуживавший медицинский персонал состоял из заключенных. Необходимые врачи-специалисты отсутствовали.

Цензура направлявшихся на Соловки почтовых отправок осуществлялась в Архангельске. Письма из Москвы доходили до адресатов за несколько месяцев, телеграммы – почти за два месяца. Газет не получали не только заключенные, но и администрация.

Политическим разрешалось одно свидание в год. Приезжавшие для встреч помещались под надзором надзирателя в ските, расположенном на Секирной горе в 10 верстах от кремля, в 2 верстах от Савватиевской пустыни и в 20 верстах от Муксалмы. С них бралась плата за помещение, доставку посылок и писем. Свидания мужу и жене, отбывающим наказание в одном лагере, не позволялись.

Охранял лагерь взвод 95-го особого дивизиона войск ГПУ. Кроме него – команда надзора, состоявшая из бывших чекистов, высланных на Соловки за различные служебные проступки. Всего в ней числились 92 человека. Они стояли на постах, охраняли заключенных на внешних работах. Команде надзора было доверено оружие – винтовки, револьверы, пулеметы.

В результате проверки факты, указанные в заявлении политзаключенных, подтвердились. Команда надзора, желая выслужиться перед администрацией, допускала истязания. Узников избивали палками, шомполами, ставили летом без одежды «на комарика», сажали в темный карцер, каменные мешки, на лед, лишали пищи и т. д. Комиссия установила случаи расстрелов под видом побегов. Все это делалось с ведома и при участии начальника управления Северных лагерей Ногтева и его заместителя Зорина. Администрацией лагеря было сфабриковано провокационное дело о якобы

готовившемся заключенными восстании с целью убийства администрации и побега. У оставшихся на острове и работавших при лагере монахов отбирались под видом конфискации церковного имущества часы, сапоги, ложки, деньги. По этим фактам было начато следствие.

В докладе делался вывод, что система произвола, издевательств и ущемления прав заключенных была вызвана полной изолированностью лагеря, отсутствием «правильного руководства» и «определенных инструкций».

В качестве неотложных мер для улучшения положения в докладе предлагалось прежде всего подобрать и назначить нового начальника управления Северных лагерей. Учредить в Соловках должность уполномоченного, подчиненного непосредственно руководству ГПУ. Установить за лагерями прокурорский надзор. Взять за правило регулярные ревизии лагерей представителями ГПУ не реже двух раз в год. Применить к заключенным Соловецкого лагеря амнистию от 17 августа 1923 г., пересмотреть все дела высланных в административном порядке за хищения на транспорте и уголовное прошлое. Отказаться впредь от высылки на Соловки за уголовные преступления, оставив ее применение лишь за совершение контрреволюционных преступлений и принадлежность к «противосоветским» партиям. Увеличить запасы продовольствия, повесить заключенным нормы питания. Наконец, выделить средства на заготовку дров и приобретение обмундирования¹⁴.

19 сентября 1923 г. начальник юридического отдела Фельдман на основании мандата ГПУ направил в управление Северных лагерей распоряжения, вступающие в силу немедленно.

Прежде всего, довести до отбывающих наказание на Соловках, что никаких переводов в другие места не будет.

Улучшить медицинское обслуживание (одного вольнонаемного врача должно было подобрать управление Северных лагерей, зубного техника обещало прислать ГПУ). До 1 ноября 1923 г. обеспечить скиты, где проживают политзаключенные, противомаларийными, противочинготными, противотуберкулезными лекарствами и средствами против кишечно-желудочных заболеваний.

Привозить пациентов в лазарет и увозить их из него, как правило, до захода солнца. Караул к больным политзаключенным не составлять. При доставке в лечебное заведение выдавать им специальную больничную одежду и белье, а носильные вещи, в которых они прибыли, направлять на дезинфекцию. Отменить личные обыски при поступлении в лазарет и выписке, проводить их только по прибытии заключенного непосредственно к месту постоянного проживания.

Для находящихся на лечении в лазарете организовать кухню с обслуживающим персоналом для подготовки горячей пищи. Больничный паек установить в размере пайка здорового политзаключенного. Диетический паек выдавать по рецептам врачей без урезания и замены мяса молоком и т. д.

Выдавать заключенным верхнюю одежду и теплое нижнее белье по спискам, заверенным старостами скитов. Питание политзаключенных разнообразить: овощи (картофель, капусту, лук) выдавать по норме без замены другими продуктами. Выдачу мыла увеличить на 1/2 фунта.

До 15 октября 1923 г. оборудовать в лагере электрическое освещение. А до этого выделить в необходимом количестве лампы и керосин.

Согласно распоряжению, разрешение на посещение политзаключенных отныне выдавалось в Москве, в центральном аппарате ГПУ. Продолжительность свиданий ограничивалась одной неделей. Приезжавших родственников надлежало тщательно обыскивать как накануне, так и после проведения встреч. Доставку корреспонденции и посылок на Соловки и обратно полагалось вести через Кемский пересыльный пункт. Цензура, приемка и выдача корреспонденции возлагались на управление Северных лагерей.

Наконец, заключенных, в том числе политических, срок наказания которых истекал до 1 июня 1924 г., следовало до 1 ноября 1923 г. перевести в Кемский пересыльный пункт¹⁵.

Так в 1922–1923 гг. началось использование Северных лагерей в качестве места содержания политических заключенных.

Примечания

- 1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 4.
- 2 Там же. Л. 5.
- 3 Там же. Л. 5об.
- 4 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1211. Л. 35.
- 5 Там же. Л. 18.
- 6 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Л. 10.
- 10 Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Издание Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров. Берлин, 1922. С. 242–245.

А.Л. Кубасов

- 11 *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 171.
- 12 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 33–34.
- 13 Там же. Д. 108. Л. 8.
- 14 Там же. Л. 37–45.
- 15 Там же. Л. 63–65.